

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья / Research Article

УДК 903.02

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

КИПРИНСКИЙ БОРОК (ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ): ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

**Александр Альбертович Казаков^{1*}, Алексей Алексеевич Тишкин²,
Павел Леонидович Рудометов³, Надежда Федоровна Степанова⁴**

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
kaa-2862@mail.ru, [orcid 0000-0003-2652-2002](https://orcid.org/0000-0003-2652-2002)

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Кипринская средняя школа, с. Киприно, Алтайский край, Россия;
rudometov.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. На основе анализа уже опубликованных материалов и новых поступлений дана общая характеристика археологического комплекса Кипринский Борок, где выявлены различные культурно-хронологические объекты, частично отражающие материальную культуру населения Лесостепного Алтая от неолита до этнографической современности. В статье представлена характеристика фрагментов керамической посуды раннего железного века и Средневековья (каменная, староалейская, кулайская, одинцовская археологические культуры, II тыс. н.э.). С помощью технико-технологического анализа выявлена общая традиция в использовании исходного сырья (среднежелезные пластичные глины) и минеральных примесей (шамот). Для средневековой керамики отмечено небольшое количество сосудов из другого сырья, что может свидетельствовать о появлении нового населения на территории памятника. Наличие рецептов, которые отражают смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (шамот + дресва), сложившихся в разных ландшафтных зонах, свидетельствует о смешении населения в рассматриваемые периоды (каменная и одинцовская культуры).

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, археологический комплекс, ранний железный век, Средневековье, керамика, историко-культурная интерпретация, технико-технологический анализ

Благодарности: исследование частично выполнено по проекту FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (Н. Ф. Степанова). Авторы благодарны К. Ю. Кирюшину за помощь при формировании анализируемого собрания находок.

Для цитирования: Казаков А. А., Тишкин А. А., Рудометов П. Л., Степанова Н. Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и Средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

KIPRINSKY BOROK (FOREST-STEPPE ALTAI): HISTORICAL, CULTURAL, TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CERAMIC COMPLEX OF EARLY IRON AGE AND MIDDLE AGES

Aleksandr A. Kazakov^{1*}, Alexey A. Tishkin², Pavel L. Rudometov³, Nadezhda F. Stepanova⁴

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia;
kaa-2862@mail.ru, [orcid 0000-0003-2652-2002](https://orcid.org/0000-0003-2652-2002)

²Altai State University, Barnaul, Russia;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Kiprinskaya Secondary School, Kiprino village, Altai Krai, Russia;
rudometov.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>

⁴Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

*Corresponding Author

Abstract. Based on the analysis of the published materials and new findings, the archaeological complex Kiprinsky Borok has been given a general description, its various cultural and chronological objects have been identified, partially reflecting the material culture of the population of the forest-steppe Altai from the Neolithic to ethnographic modernity. The article presents the characteristics of fragments from ceramic ware of the Early Iron Age and the Middle Ages (Kamenskaya, Staroaleiskaya, Kulaiskaya, Odintsovskaya archaeological cultures, II millennium AD). With the help of technical and technological analysis, a common tradition in the use of raw materials (medium-ferruginized plastic clays) and mineral impurities (chamotte) has been revealed. For medieval ceramics, a small number of vessels from other raw materials is usually found, which may indicate the appearance of a new population in the territory of the site. The presence of recipes that reflect the mixing of cultural traditions in the choice of mineral impurities (chamotte + gruss) developed in different landscape zones indicates the mixing of the population in the periods under consideration (Kamenskaya and Odintsovskaya cultures).

Key words: forest-steppe Altai, archaeological complex, Early Iron Age, Middle Ages, ceramics, historical and cultural interpretation, technical and technological analysis

Acknowledgements: the study was partially carried out under the project FWZG-2022-0006 “Comprehensive Studies of Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technologies, Adaptation and Cultural Ties” (N. F. Stepanova). The authors are grateful to K. Yu. Kiryushin for his help in forming the collection of finds under analysis.

For citation: Kazakov A. A., Tishkin A. A., Rudometov P. L., Stepanova N. F. Kiprinsky Borok (Forest-Steppe Altai): Historical, Cultural, Technical and Technological Characteristics of the Ceramic Complex of Early Iron Age and Middle Ages. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):48–65. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

Введение

История изучения памятника «Кипринский Борок» началась в XIX в. (Рудометов, 1991, с. 44). Несмотря на это общая и детальная характеристика известного археологического комплекса до настоящего времени не сделана. Имеющиеся публикации в основном посвящены введению в научный оборот отдельных групп находок. Их культурно-хронологические определения в основном осуществлялись при помощи типологического анализа (Комарова, 1956; Горбунов, Рудометов, 2003; Кирюшин, Горбунов, Семибратов, 2013; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016). Некоторые коллекции даны без существенной интерпретации (Рудометов, 1991; 1995). Накопившийся материал, который хранится в разных местах (в т.ч. в Алтайском государственном университете), позволяет приступить к первичной обобщающей характеристике рассматриваемого археологического комплекса.

Памятник расположен на крупном елбане (останце коренного берега) в пойме Оби, примерно в 800 м к северо-востоку от окраины с. Киприно Шелаболихинского района Алтайского края (рис. 1.-1). Возвышенность имеет вытянутую форму, с востока на запад ее длина составляет около 1500 м, а ширина — до 500 м. Северная сторона занята соснами, на отдельных участках имеется облепиха, а на перенесенных песках — редкая травянистая растительность. В последние годы по периметру стали интенсивно расти ивы и осины. Южная и юго-западная часть елбана разрушается ветровой эрозией.

С учетом неплохой представленности археологических материалов с территории Кипринского Борка в публикациях, в настоящей работе будут введены в научный оборот только те находки, которые не нашли отражения в предыдущих статьях. Они были переданы для изучения на кафедру археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета одним из соавторов в 2021–2022 гг. Но для общей характеристики памятника привлекался весь доступный керамический комплекс, который в данном случае может являться одним из основных культурно-хронологических индикаторов (Молодин, 2013, с. 46–48; Кожин, 1989, с. 58, 61; Боталов, Мосин, 2007, с. 12; и др.).

Все известные артефакты с рассматриваемого археологического объекта являются сборами с поверхности дюн, разрушаемых ветрами. Характер переотложенности не позволяет соотнести их с конкретными культурными слоями, которые можно наблюдать в обрывах (рис. 1.-2). Схема распределения находок по месту расположения раздувов была предложена одним из авторов статьи (выдувы №1–9) (Рудометов, 1991, с. 45). Подобная практика может рассматриваться лишь как привязка части одного из культурно-хронологических комплексов к конкретному месту его сборов, но никак не выделение отдельного самостоятельного памятника.

Рис. 1. Кипринский Борок. Месторасположение археологического комплекса на карте-схеме (1) и вид на разрушение культурного слоя (2)

Fig. 1. Kiprinsky Borok. The location of the archaeological complex on the schematic map (1) and the view of the cultural layer destruction (2)

При подготовке керамического материала к публикации возникли определенные сложности при его интерпретации. Это в основном связано с фрагментацией находок. Кроме всего, долготелее выветривание поверхности керамических черепков, воздействие перепадов температур и воды привели к невыразительности орнамента на отдельных предметах. Не удалось собрать ни одного полностью реконструируемого сосуда. Поэтому судить о полных формах разбитой посуды нет возможности. Отметим, что фрагменты керамики на разных выдувах могли принадлежать одной емкости. Встречаются обломки плоских днищ, однако они не соотносятся ни с одним из рассматриваемых ниже комплексов. Поэтому при приблизительном подсчете количества фрагментов, относящихся к различным культурно-хронологическим типам, учитывались только достаточно крупные части с хорошо выраженным орнаментом. Следует отметить, что представленные статистические выкладки являются весьма относительными, несмотря на существенное количество проанализированных собраний с данного памятника. Однако это далеко не все. Есть коллекции, которые хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), а также в музее Алтайского государственного педагогического университета и других учреждениях (с ними пока поработать не удалось). В Алтайском государственном университете изучались коллекции из сборов на памятнике 1976, 1982, 1983 и 2009 гг., которые осуществлялись Ю.Ф. Кирюшиным, А.Б. Шамшиным и др. Однако нет уверенности в том, что это все материалы с обозначенного памятника. Несмотря на относительность представленной выборки, в которую вошел большой массив артефактов, общая картина, представленные наблюдения и выводы могут быть достаточно информативны.

С целью получения дополнительных научных сведений был проведен технико-технологический анализ керамики раннего железного века и Средневековья.

Характеристика керамического комплекса

Керамический комплекс раннего железного века наиболее представительный (рис. 2.-1-6, 8, 9; рис. 3.-5). К нему относятся более 20 фрагментов керамических емкостей, в том числе части венчиков от 13 сосудов.

Подавляющее большинство венчиков прямые и без выраженной шейки, что позволяет говорить о преобладании баночной формы сосудов. Наличие одного венчика с хорошей профилировкой и вытянутой плавной шейкой дает возможность указать на наличие сосуда кувшиновидной формы (рис. 3.-5). Срезы венчиков в большинстве случаев округлые, встречаются горизонтальные и срезанные внутрь сосуда. Форма венчиков довольно стабильная, с небольшими вариациями.

Из орнаментальных элементов фиксируются насечки, крупнозубый гребенчатый штамп, «жемчужины», отпечаток уголка лопаточки, ямки, отпечаток конца стека и штамп подтреугольной формы. Орнаментальная композиция достаточно проста. Она преимущественно представлена одной орнаментальной строкой (возможно, подобная закономерность отмечается из-за сильной фрагментированности сосудов), а также тремя орнаментальными мотивами (горизонтальным, комбинированным и «елочкой»). В подавляющем большинстве случаев орнамент наносился на верхнюю часть сосуда одной орнаментальной строкой. Если в орнаментальной композиции присутствовали «жемчужины», то они всегда встречаются с разделителем, в качестве которо-

го выступают такие орнаментальные элементы, как ямки, отпечатки уголка лопаточки, гребенчатый штамп, отпечатки конца стека. В орнаментальной композиции больше двух элементов орнамента не встречается. По два орнаментальных элемента совмещаются только в случае наличия «жемчужин». Керамический комплекс хорошо узнаваем. По ряду вышеописанных признаков он может быть отнесен к каменной археологической культуре раннего железного века (Абдулганеев, Владимиров, 1997; Иванов, 1990, 2000; и др.), памятники которой на территории Лесостепного Алтая датируются с VI–V в. до н.э. до начала I тыс. н.э. (Фролов, Тишкин, 2019, с. 255, 272).

Поскольку Кипринский Борок расположен в контактной зоне ареалов распространения каменной и староалейской культур, вполне вероятно наличие в характеризуемом комплексе одного фрагмента староалейской керамики, так как для их разделения необходимы большие серии, которых, к сожалению, на этом рассматриваемом памятнике нет.

Керамический комплекс кулайской культуры крайне малочислен и представлен всего одним фрагментом венчика, орнаментированного гладкой «уточкой» (рис. 2.-10). Подобная слабая представленность кулайской керамики может объясняться только одной причиной — для того времени даже сезонное проживание на территории Кипринского Борка было сильно осложнено, по всей вероятности, физико-географическими факторами, о которых речь пойдет ниже. Малочисленность кулайского комплекса делает его датировку гипотетичной. Основываясь на изучении других комплексов керамики кулайской культуры с территории Лесостепного Алтая, можно указать, что такая особенность, как гладкая «уточка», характерна для фоминского этапа (Казakov, 2020a, с. 17) и может датироваться концом III — 1-й половиной IV в. (Казakov, 2020b, с. 622).

Раннее Средневековье представлено фрагментами керамической посуды наиболее позднего (акутихинского) этапа *одинцовской культуры*. В не опубликованных сборах встречены 11 фрагментов венчиков от восьми сосудов (рис. 3.-1–4, 6–9). Венчики от семи емкостей профилированные, а один, возможно, прямой (из-за сильной фрагментации однозначно о профилировке фрагмента венчика говорить сложно). Это свидетельствует о значительном преобладании в этом керамическом комплексе изделий горшковидной формы. Срезы венчиков плоские, сделаны внутрь сосуда. В трех случаях они орнаментированы теми же элементами, что и тулово. В одном случае срез венчика не декорирован. Еще на одном имеется воротничок. Несмотря на то что на остальных сосудах ярко выраженного морфологически воротничка нет, орнаментация верхнего края венчика вплотную к его срезу свидетельствует о том, что воротничковые венчики в этом комплексе не являются исключением. Подобная орнаментация визуально создает эффект наличия воротничка. Из морфологических особенностей можно выделить наличие хорошо выраженного плечика на одном сосуде при переходе от венчика к тулову.

Из орнаментальных элементов встречены отпечатки гребенчатого штампа, «жемчужины» и ямки. «Жемчужины» располагаются по верхней зоне венчика. Они достаточно часто расположены относительно друг друга и имеют небольшие размеры, хотя выражены хорошо. Ямки с внутренней стороны, образовавшиеся при нанесении «жемчужника», глубокие и небольшого диаметра. Орнаментальные мотивы вполне разнообразны (горизонтальный, наклонный и зигзаг), а композиция достаточно сложная. Лишь в одном случае орнамент нанесен в две строки. На других сосудах их значитель-

но больше (до 10). Сильная фрагментированность керамики не позволяет выявить закономерности в зональности размещения орнамента. Наличие одного крупного фрагмента, на котором декор нанесен только на верхнюю часть сосуда, позволяет выдвигать гипотезу об орнаментации только верхней трети изделий. Заметен ярко выраженный геометризм в орнаментации одной емкости. По ряду вышеописанных признаков (горшковидные формы, наличие мелкого и частого «жемчужника», плечика при переходе от венчиковой зоны к тулову, воротничковых венчиков, разнообразие орнаментальных мотивов и др.) этот комплекс можно отнести к самому позднему (акутихинскому) этапу одинцовской культуры (Казаков, 2014, с. 106), который датируется VII–VIII вв. (Казаков, 2014, с. 130). Этой же интерпретации комплекса придерживаются и другие исследователи (Кирюшин, Горбунов, Семибратов, 2013).

Комплекс эпохи Средневековья представлен по большей части изделиями. Он достаточно хорошо опубликован и интерпретирован, соотносится со сrostкинской культурой (Горбунов, Рудометов, 2003; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016) и датируется 2-й половиной VIII — XII в. н.э. (Горбунов, 2019, с. 343–345).

Материалы II тыс. н.э. (вплоть до этнографической современности) представлены керамическими фрагментами как минимум 17 сосудов (рис. 4). Венчики профилированы, что свидетельствует о горшковидной форме изделий. Срезы венчиков уплощенные, можно встретить округлые. Практически все они (за исключением одного) орнаментированы. Орнамент на срезы венчиков наносился небрежно, с большим нажимом, что отразилось на их форме — они неровные, рассеченные при нанесении орнамента. Из орнаментальных элементов встречены грубые ямки неправильной формы, крупнозубый гребенчатый штамп, пальцево-ногтевые отпечатки, отпечатки конца стека и грубые отпечатки, напоминающие гребенчатый штамп, нанесенные, возможно, зубами челюсти животного (Казаков, Гальченко, Степанова, 1994; Калинина, Устинова (Гаджиева), 1995). Сосуды украшались одним элементом, который мог сочетаться с ямками. Орнаментальная композиция проста и состоит из горизонтального и наклонного мотивов. Изредка встречается змейка. Есть сосуды без орнаментации. Многие декорированы лишь рядом ямок в верхней зоне венчика. По ряду охарактеризованных признаков данный комплекс можно соотнести с уже известной керамикой II тыс. н.э. (Кирюшин, Казаков, 1997).

Результаты технико-технологического анализа

Технико-технологический анализ выполнен в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским, с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2017). Основная задача работы сводилась к выделению культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс, выявлению общих навыков и определению признаков смешения традиций. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Для технико-технологического анализа были представлены 27 образцов от разных сосудов, отличающихся хронологически. К раннему железному веку относятся 11 образцов (де-

вать — к каменной культуре, по одному — к староалейской и кулайской), а к Средневековью — 16 (по восемь к одинцовской культуре и II тыс. н.э.).

Каменная культура (рис. 2.-1-6, 8-9, рис. 3.-5). Все сосуды изготовлены из среднеожелезненных пластичных глин. Из естественных примесей в исходном сырье встречается бурый железняк и очень мелкий (пылевидный) песок. Исключение составляет один сосуд (рис. 2.-6), где встречены единичные включения крупного песка (до 6 мм). В двух образцах выявлены рыхлые серые включения. Зафиксированы четыре рецепта: глина + шамот + органика (4 экз.), глина + дресва + органика (1 экз.), глина ожелезненная + глина неожелезненная + дресва + органика (1 экз.), глина + дресва + шамот + органика (3 экз.). На дресву дробили камни разных пород, т.е. закономерности в выборе такого сырья для дресвы не выявлены. Частицы дресвы различаются размерами — от 1 до 2-5 мм (рис. 2.-12). Крупные частицы встречаются редко. Концентрация от 1:3-4 до 1:5-6. Шамот имеет размер частиц от 1 до 2-3 мм, как правило, около 1 мм (рис. 2.-11). Концентрация от 1:3 (рис. 2.-6) до 1:5-6. Отмечены различия по ожелезненности шамота из одного сосуда (рис. 2.-4). Часто шамот бывает из более слабоожелезненного сырья. В шамоте встречается дресва (рис. 2.-1, 8), песок, шамот (рис. 2.-1). Преобладают рецепты со смешением традиций в использовании минеральных примесей и добавлением шамота, но суммарно количество сосудов, в которых есть дресва и в которых есть шамот, близкое — 5 и 7 экз.

Староалейская культура (рис. 2.-7). Сосуд изготовлен из среднеожелезненной пластичной глины, в которую введены шамот и органика (г + ш + о). Размер частиц шамота 1 мм, изредка около 3 мм. Концентрация 1:4.

Кулайская культура (рис. 2.-10). Сосуд изготовлен из среднеожелезненной пластичной глины, в которую введены шамот и органика (г + ш + о). В сырье зафиксированы отдельные песчинки. Размер частиц шамота 1-2 мм. Концентрация 1:4. Шамот из разных сосудов, в том числе слабоожелезненный, в нем имеется песок и бурый железняк.

Одинцовская культура (рис. 3). Все восемь сосудов изготовлены из ожелезненных глин, в основном из среднеожелезненных, и в одном случае — слабоожелезненной (рис. 3.-9). Большинство глин пластичные, исключение составляют два сосуда (рис. 3.-1, 6). Из естественных примесей в исходном сырье зафиксирован мелкий кварцевый (от 0,1 мм и реже крупнее, в том числе до 1 мм) песок. Аналогичный песок иногда прослеживается и в шамоте. Бурый железняк есть в семи образцах, за исключением одного фрагмента, в котором также зафиксирован очень мелкий обломок косточки рыбы. Выявлены два рецепта: глина + шамот + органика (6 экз.) и глина + шамот + дресва + органика (рис. 3.-1, 9). В одном фрагменте (рис. 3.-1) дресвы очень мало. Видимо, частицы дресвы выпали из шамота. В другом образце концентрация дресвы 1:4-5, размер частиц около 1 мм. Шамот имеет размер от 5 до 3 мм, преимущественно 1-2. Концентрация 1:4, 1:4-5, реже иная. Шамот в формовочной массе одного сосуда часто разный, отличается по ожелезненности, в том числе есть более слабоожелезненный, иногда встречается низкопластичный. Изредка в шамоте прослеживается шамот и дресва. В одном образце выявлен отпечаток зерна-семечка. В целом в этой группе керамики зафиксировано смешение традиций в использовании минеральных примесей, что свидетельствует о контактах населения из разных ландшафтных зон.

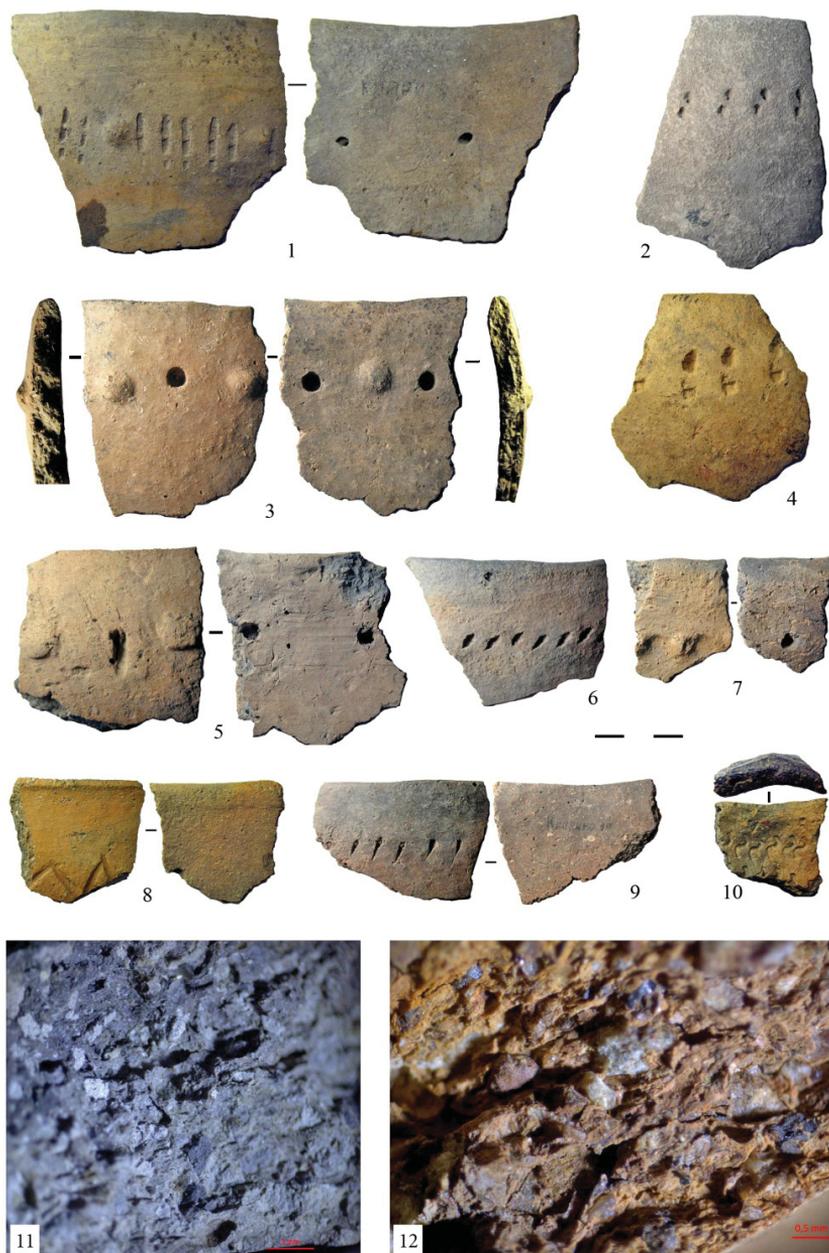

Рис. 2. Кипринский Борок. Фрагменты керамической посуды каменной (1–6, 8, 9), староалейской (7) и кулайской (10) культуры. Микрофотографии образцов с шамотом (11) и дресвой (12)

Fig. 2. Kiprinsky Borok. Fragments from the ceramic ware of the Kamenskaya (1–6, 8, 9), Staroaleiskaya (7) and Kulaiskaya (10) cultures. Micro-photographs of samples with chamotte (11) and gruss (12)

Рис. 3. Кипринский Борок. Фрагменты керамических сосудов одиновской (1–4, 6–9) и каменской (5) культур и микрофотография образца с дресвой (10)

Fig. 3. Kiprinsky Borok. Fragments from ceramic vessels of the Odintsovskaya (1–4, 6–9) and Kamenskaya (5) cultures (1-9) and a micro-photograph of a sample with grass (10)

Керамика II тыс. н.э. К этой группе относятся восемь образцов (рис. 4). Все сосуды были изготовлены из среднежелезненных глин, которые немного различаются оттенками. Используются преимущественно пластичные глины. Исключение составляет один образец (рис. 4.-6), в котором зафиксировано значительное количество пылевидного песка. В исходном сырье встречается бурый железняк (за исключением одного случая), а также пылевидный и мелкий песок в небольшом количестве (единичные включения). Выявлен один рецепт: глина + шамот + органика. Размер частиц шамота колеблется от 1 до 6 мм. Крупные частицы встречаются достаточно часто. Концентрация шамота от 1:4 до 1:5–6. Шамот в одном сосуде различается по ожелезненности. В отдельных случаях шамот из слабожелезненного сырья. Иногда прослеживается шамот в шамоте, песок, остатки органики. От вышеперечисленных групп серия выде-

ляется незначительным количеством песчинок в исходном сырье, а шамот отличается большим размером частиц.

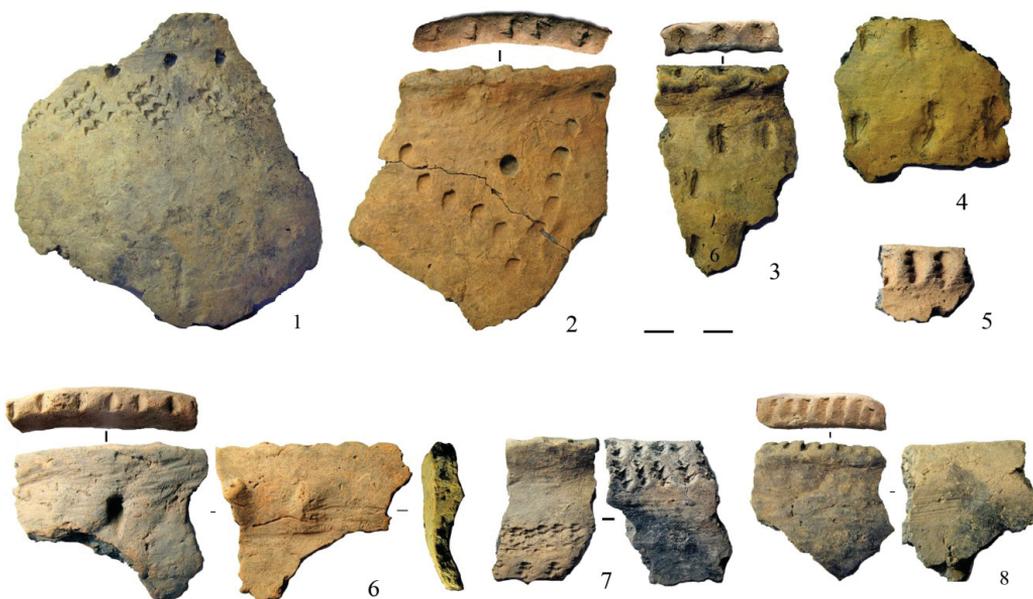

Рис. 4. Кипринский Борок. Фрагменты керамической посуды начала II тыс. н.э.

Fig. 4. Kiprinsky Borok. Fragments of ceramic ware, the beginning of the II millennium AD.

Исходное сырье и состав формовочных масс Feedstock and composition of molding masses

		Пластичность		Ожелезненность		Рецепты			
		пластичное	средне-пластичное	средне-ожезненное	слабо-ожезненное	г+ш+о	г+д+ш+о	г+д+о	г+г+д+о
Каменская	9	9		9		4	3	1	1
Староалейская	1	1		1		1			
Кулайская	1	1		1		1			
Одинцовская	8	6	2	7	1	6	2		
Керамика II тыс. н.э.	8	7	1	8		8			
	27	24	3	26	1	20	5	1	1

Подводя итог, отметим, что на памятнике в коллекциях раннего железного века и Средневековья выявлены общие традиции в использовании исходного сырья (среднеожезненные пластичные глины) и применении минеральных примесей (шамот) (табл.). Однако для одинцовской посуды и изделий II тыс. н.э. отмечено небольшое

количество керамики из другого сырья, что может свидетельствовать о появлении нового населения на памятнике. Смешение населения с разными культурными традициями в использовании минеральных примесей (шамот + дресва), сложившимися в разных ландшафтных зонах, происходит при непосредственных контактах гончаров и связано с усложнением состава населения (Бобринский, 1978, с. 89–99; Степанова, 2015; 2017). Подобные изменения в составе населения отражает керамика каменной и одинцовской культур. Для керамики каменной культуры отмечена замена дресвы на шамот. Процесс смешения у населения каменной культуры был интенсивнее, чем у одинцовского.

Заключение

Изученные материалы с Кипринского Борка способствовали выделению девяти культурно-хронологических комплексов. Не встречено находок, соотносимых с периодом развитой бронзы (андроновская культура). Практически нет материалов, позволяющих соотнести их с кулайской и ранними этапами одинцовской археологических культур. В хронологическом плане картина выглядит следующим образом (используется хронологическая схема, изложенная в первом томе «Истории Алтая» (2019)): с VII тыс. до н.э. по XVIII в. до н.э. территория Кипринского Борка была заселена; материалы XVIII–IX вв. до н.э. на памятнике не встречены; с IX по II в. до н.э. площадь возвышенности активно использовалась; свидетельств проживания людей со II в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э. нет; с VII–VIII вв. н.э. и до настоящего времени указанный участок включен в сферу деятельности людей для различных целей.

С чем связаны достаточно длительные периоды, которые не нашли отражения на памятнике, пока сказать трудно. Можно лишь предположить, что причиной подобного положения могли являться изменения климата, когда из-за увлажнения уровень грунтовых вод повышался, а паводки были значительно выше, что приводило к затоплению елбана и делало невозможным ведение на нем хозяйственной деятельности. Следует сказать, что это лишь гипотеза, требующая дальнейшей разработки. Последние исследования по реконструкции климата на близлежащих территориях (Малый Гоньбинский Кордон) для раннего железа — раннего Средневековья делают эту гипотезу более доказательной (Барышникова и др., 2021).

Учитывая место расположения (пойменный участок, невысокое возвышение, легкие супесчаные почвы) и характер находок, можно предположить, что Кипринский Борок представляет собой место кратковременных стоянок, связанных с сезонной хозяйственной деятельностью населения, проживающего на стационарных поселениях, расположенных неподалеку на более возвышенных местах. Пойма являлась экологической нишей, позволяющей с большой эффективностью заниматься такими видами хозяйственной деятельности, как рыбная ловля и охота (Казаксов, Рудометов, 2022).

Наличие большого количества материалов, представляющих различные периоды древней и средневековой истории Алтая, делает Кипринский Борок достаточно важным комплексом, требующим дальнейшего более детального изучения. Вместе с тем в настоящее время актуальными проблемами являются вопросы охраны этого объекта культурно-исторического наследия (Казаксов, Рудометов, 2022), так как он не только продолжает разрушаться под воздействием природных факторов, но и испытыва-

ет достаточно серьезную антропогенную нагрузку. Активизация деятельности «черных копателей» также представляет опасность для существования этого памятника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.

Барышникова О. Н., Михаревич М. В., Грушин С. П., Сайберт В. О. Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон 2 одинцовской культуры Алтая в IV–VIII вв. н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №4 (55). С. 49–59. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-4>

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Боталов С. Г., Мосин В. С. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праугро-самодийского единства) // Финно-Угрика. 2007. №10. С. 10–72.

Горбунов В. В. Сросткинская культура // История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 333–345.

Горбунов В. В., Рудометов П. Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 52–57.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Кунгуров А. Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия АлтГУ. 2016. №4 (92). С. 218–229. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)4-38](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)4-38)

Иванов Г. Е. Керамика второй половины 1 тыс. до н.э. с поселений степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 74–78.

Иванов Г. Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 200-летию с. Мамонтово). Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.

История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. 392 с.

Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А. А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020а. №2 (30). С. 7–23. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-01)

Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020б. №22(3). С. 618–625. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Казаков А. А., Гальченко А. В., Степанова Н. Ф. Об особенностях орнаментации средневековой керамики // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 154–155.

Казаков А. А., Рудометов П. Л. Кипринский Борок. Краткая характеристика и проблемы охраны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. XXXVIII. С. 244–248. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.34>

Калинина И. В., Устинова (Гаджиева) Е. А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // Российская археология. 1995. №23. С. 69–83.

Кирюшин К. Ю., Горбунов В. В., Семибратов В. П. Комплекс одинцовской культуры на поселении Киприно 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XVII–XIX. С. 142–146.

Кирюшин Ю. Ф., Казаков А. А. Керамика первой половины 2 тыс. н.э. с археологических памятников озера Большой Иткуль // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 297–303.

Кожин П. М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск : Наука, 1989. С. 54–70.

Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Молодин В. И. Керамика как этнокультурный индикатор в западно-сибирских общностях позднего средневековья и нового времени // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : Институт археологии РАН, 2013. С. 46–48.

Рудометов П. Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул : БГПИ, 1991. С. 44–47.

Рудометов П. Л. Новые находки с Кипринского Борка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Б.и., 1995. С. 21–22.

Степанова Н. Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н. Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита — раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.

Фролов Я. В., Тишкин А. А. Каменная культура // История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 255–272.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : Институт археологии РАН, 2012. 384 с.

REFERENCES

Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. Typology of Altai Settlements in the 6th–2nd Centuries BC. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 148 p. (*In Russ.*).

Baryshnikova O. N., Mikharevich M. V., Grushin S. P., Saibert V. O. Natural Conditions of Formation of the Malyi Gon'binskii Kordon 2 Site of the Odintsovskaya Culture of Altai in the 4th–8th Centuries A. D. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;55(4):49–59. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-4> (*In Russ.*).

Bobrinsky A. A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*).

Bobrinsky A. A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Studies. In: Current Problems of the Study of Ancient Pottery. Samara : Izd-vo Samarskogo ped. un-ta, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*).

Botalov S. G., Mosin V. S. Ural-Siberian Forest-Steppe in Antiquity and Middle Ages (to comprehension of the Proto-Ugro-Samoyed unity). *Finno-Ugrika = Finno-Ugrika*. 2007;10:10–72. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V. Srostkinskaya Culture. In: The story of Altai: in 3 vol. Vol. I : Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 333–345. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V., Rudometov P. L. Medieval Sites in the Vicinity of Kiprino Village. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Vol. XIII. Pp. 52–57. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Kungurov A. L. Settlements of the Srostkindkaya Culture in the Territory of the Forest-Steppe Altai: Identification Signs. *Izvestiya AltGU = Bulletin of Altai State University*. 2016;4(92):218–229. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)4-38](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)4-38) (*In Russ.*).

Ivanov G. E. Ceramics of the Second Half of the 1st Millennium BC from the Settlements of the Steppe Altai. In: Protection and Use of Archaeological Sites in Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 74–78. (*In Russ.*).

Ivanov G. E. Corpus of Historical and Cultural Monuments of the Mamontovskii District (to the 200th anniversary of Mamontovo Village). Barnaul : Altajskij poligraficheskij kombinat, 2000. 160 p. (*In Russ.*).

The story of Altai: in 3 vol. V. I: Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. 392 p. (*In Russ.*).

Kazakov A. A. Odintsovskaya Culture of Barnaul-Biysk Ob Region. Barnaul : Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2014. 152 p. (*In Russ.*).

Kazakov A. A. The Settlement of Blizhnie Elbany-IV (based on the materials of the State Hermitage Museum). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020a;2(30):7–23. (*In Russ.*). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-01)

Kazakov A. A. The Complex of the Fominskii Stage of the Kulaiskaya Culture of the Settlement Gorodishche 3. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2020b;22(3):618–625. (*In Russ.*). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Kazakov A. A., Galchenko A. V., Stepanova N. F. On Specifics of Medieval Ceramics Ornamentation. In: Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia an Antiquity and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 154–155. (*In Russ.*).

Kazakov A. A., Rudometov P. L. Kiprinskii Borok. Brief Description and Problems of Protection. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. Vol. XXXVIII. Pp. 244–248. (*In Russ.*). <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.34>

Kalinina I. V., Ustinova (Gadzhieva) E. A. Use of Animal Jawbones for Ornamentation of Ancient Ceramics. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 1995;23:69–83. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Gorbunov V. V., Semibratov V. P. Complex of Odintsovskaya Culture at the Settlement Kiprino 1. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Vol. XVII–XIX. Pp. 142–146. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Kazakov A. A. Ceramics of the First Half of the 2nd Millennium AD from Archaeological Sites of Lake Bolshoy Itkul. In: Topical Issues of Ancient and Medieval History of Siberia. Tomsk : Tomskij gosudarstvennyj universitet sistem upravleniya i radioelektroniki, 1997. Pp. 297–303. (*In Russ.*)

Kozhin P. M. Significance of Ceramics in Studying Ancient Ethnocultural Processes. In: Ceramics as Historical Source. Novosibirsk : Nauka, 1989. Pp. 54–70. (*In Russ.*)

Komarova M. N. Neolithic of Upper Ob Region. In: KSIA. 1956. Issue 64. Pp. 93–103. (*In Russ.*).

Molodin V. I. Ceramics as Ethnocultural Indicator in West Siberian Communities of Late Middle Ages and Modern Times. In: Modern Approaches to Studying Ancient Ceramics in Archaeology. Moscow : Institut arheologii RAN, 2013. Pp. 46–48. (*In Russ.*).

Rudometov P. L. Random Finds from Kiprinskii Borok. In: Protection and Use of Archaeological Sites in Altai. Barnaul : BGPI, 1991. Pp. 44–47. (*In Russ.*).

Rudometov P. L. New Finds from Kiprinskii Borok. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : B.i. 1995. Pp. 21–22. (*In Russ.*).

Stepanova N. F. Cultural Traditions in Selection of Raw Materials and Mineral Impurities in Manufacture of Ceramics Based on Materials of Mountain, Foothill, Steppe and Forest-Steppe Regions of Altai. *Samarskij nauchnyj Vestnik = Samara Scientific Bulletin*. 2015;4(13):90–95. (*In Russ.*).

Stepanova N. F. Features of Raw Materials from Mountainous and Forest–Steppe Regions of Altai and Adjacent Territories (based on the materials of ceramic complexes of the Neolithic — Early Iron Age). In: Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology in Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 401–404. (*In Russ.*).

Frolov Ya. V., Tishkin A. A. Kamenskaya Culture. In: The story of Altai: in 3 vol. Vol. I : Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 255–272. (*In Russ.*).

Tsetlin Yu. B. Ancient Ceramics. Theories and Methods of Historical and Cultural Approach. Moscow : Institut arheologii RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Казиков А. А.: обработка материалов, описание и культурно-хронологическая идентификация фрагментов керамики, интерпретация и обсуждение полученных результатов, написание статьи.

A. A. Kazakov: processing of materials, description and cultural-chronological identification of ceramic fragments, interpretation and discussion of the obtained results, writing the article.

Тишкин А. А.: идея публикации, формирование структуры работы, обсуждение результатов, научное редактирование текста.

A. A. Tishkin: the idea of the publication, formation of the article structure, discussion of the results, scientific editing of the text.

Рудометов П. Л.: сбор материалов, формирование коллекции и первичная ее обработка, общая характеристика и предоставление фотоснимка памятника, участие в обсуждении полученных результатов.

P. L. Rudometov: collection of materials, formation of the collection and its primary processing, general characteristics and the photograph of the site, participation in the discussion of the obtained results.

Степанова Н. Ф.: выполнение технико-технологического анализа керамики, проведение фотосъемки образцов (в т.ч. микрофотосъемки), формирование и обсуждение полученных результатов, оформление иллюстраций и написание статьи.

N. F. Stepanova: performing technical and technological analysis of ceramics, photographing samples (including micro-photography), forming and discussing the obtained results, making illustrations and writing the article.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического институт МВД России, Барнаул, Россия; докторант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Aleksandr Albertovich Kazakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia; doctoral student of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Alexey Alexeevich Tishkin, Doctor of History, Professor, Head of Department of Archaeology, Ethnography and Museology Altai State University, Barnaul, Russia.

Рудометов Павел Леонидович, учитель Кипринской средней школы, с. Киприно, Алтайский край, Россия.

Pavel Leonidovich Rudometov, Teacher, Kiprinskaya Secondary School, Kiprino Village, Altai Krai, Russia.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Nadezhda Fyodorovna Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022;
принята к публикации 01.12.2022.
The article was submitted 29.10.2022;
approved after reviewing 21.11.2022;
accepted for publication 01.12.2022.*